

ЖАННА Д'АРК:

ГОЛОС,
ИЗМЕНИВШИЙ ХОД
СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

ИИ

Анна Подожская

Анна Ладожская

Французская классика

без скуки: главные книги

и идеи, пережившие века

<https://litres.ru/74672407>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может сделать деревенская девушка, когда Франция разорена войной, корона оспаривается, а будущее зависит от того, кто убедит людей в законности короля? Жанна д'Арк превратила веру в голоса в рискованный поступок — и стала политическим символом, способным обратить надежду в действие.

От Домреми и пути к дофину — к Орлеану, Реймсу и руанскому суду: её судьбу определяли война, придворные расчёты и борьба за право говорить. Почему победы Жанны не завершили войну, а плен и суд стали попыткой отнять у неё контроль над смыслом собственной миссии? Что изменил пересмотр дела спустя четверть века?

Опираясь на документы и различая факты, реконструкции и мифы, книга показывает не бронзовую героиню, а человека своей эпохи. Для тех, кто хочет понять Столетнюю войну через

судьбу Жанны и увидеть, как рождаются политические символы и историческая память.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image -
Лицензия

Содержание

Столетняя война: почему судьба Франции оказалась под угрозой	6
Франция накануне Жанны: междоусобица, оккупация и спор о короне	17
Домреми: детство девушки на границе войны	29
Голоса и призвание: вера, сомнение и решение действовать	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анна Ладожская
Французская классика без
скуки: главные книги и
идеи, пережившие века

**Жанна д'Арк: Голос, изменивший ход Столетней
войны**

Анна Ладожская

Столетняя война: почему судьба Франции оказалась под угрозой

На просёлочной дороге колёса телеги вязнут в грязи. Женщина держит узел с одеждой, мальчик тащит за верёвку козу. Они уходят из деревни, где недавно появились вооружённые люди: забрали зерно, увели скот, подожгли несколько дворов. Куда идти, неясно. В ближайшем городе могут закрыть ворота, а за стенами — не найти ни работы, ни хлеба. Но оставаться ещё опаснее.

Представим такую дорогу на севере или в центре Франции в начале XV века. Это не сцена из сохранившейся хроники, а осторожная реконструкция — из того, что рассказывают документы о военных разорениях, налогах и перемещениях людей. Источники лучше показывают королей, битвы и договоры, чем ежедневную жизнь безымянной семьи. Но за каждым распоряжением о сборе податей и за каждой записью о сожжённом селении стояли люди, которым приходилось решать один и тот же практический вопрос: как пережить следующую неделю.

Чтобы понять, почему судьба Франции оказалась под угрозой, полезно мысленно сменить масштаб. Сначала взглянуть на карту, потом — сойти с неё на дорогу. На карте королевство кажется единой землёй, окрашенной од-

ним цветом. В действительности власть была похожа на многослойную ткань: король, крупные князья, местные сеньоры, города и церковные учреждения распоряжались разными правами. Один господин мог собирать пошлыны, другой — судить, третий — требовать военную службу. А вооружённый отряд, шедший через округу, не всегда признавал власть того, чья печать стояла на ближайшем указе.

Корона, владения и спор о наследстве

Столетняя война не была непрерывной чередой сражений, которые ровно сто лет шли без передышки. Так называют продолжительный конфликт, начавшийся в 1337 году и завершившийся в 1453-м, с перемириями, сменой союзов и периодами, когда главным оружием становились переговоры и внутренние распри. Война переплетала несколько вопросов: кто имеет право на французскую корону, кто владеет землями на юго-западе и кто вправе диктовать условия могущественным соседям.

Истоки конфликта уходили в устройство владений английских Плантагенетов. Английский король был не только государем по ту сторону Ла-Манша, но и крупным землевладельцем во Франции. Его предки приобрели обширные территории, в том числе Аквитанию, и за них он формально оставался вассалом французского короля. На практике отношения господина и вассала осложнялись тем, что один и тот же человек носил две короны и располагал собственными армиями, союзниками и дипломатами.

К этому добавился династический спор. В 1328 году умер французский король Карл IV, не оставив сына. Корона перешла к Филиппу VI из династии Валуа. Английский король Эдуард III был внуком французского короля Филиппа IV по материнской линии: его мать Изабелла была дочерью Филиппа. Эдуард мог утверждать, что именно через неё его притязания на престол законны. Французские вельможи предпочли кандидатуру Филиппа VI, опираясь на представление, что женщина не может наследовать корону, а значит, не может передать право на неё сыну.

Тогда ещё не существовало единого писаного закона о наследовании, который раз и навсегда закрыл бы спор. Правила обосновывали прецедентами и политическими решениями. Позднее в обоснованиях французской стороны важное место занял так называемый салический закон; его применение к короне стало частью более широкого правового спора. Поэтому конфликт был не просто столкновением двух претендентов: каждая сторона боролась за право определять, по каким правилам вообще должна переходить власть.

Сначала Эдуард III признал Филиппа королём и принёс ему оммаж за свои французские владения. Но это не сняло напряжения. Французские короли стремились усилить контроль над Аквитанией, английские — защитить свои права и доходы. В 1337 году Филипп VI конфисковал герцогство Аквитанское у Эдуарда. Этот шаг стал одним из непосредственных поводов к открытому конфликту. К нему прибави-

лись борьба за влияние во Фландрии, торговые интересы и союзы с другими державами. На практике война редко укладывалась в одну ясную формулу: спор о короне проходил через спор о землях, а спор о землях — через борьбу за деньги, порты и верных союзников.

Как карта превращалась в дорогу

На карте можно отметить владения короля, Аквитанию, Бургундию, Бретань и другие крупные земли. Но граница на пергаменте не обязательно означала, что королевский приказ там исполняют. Особенно наглядно это видно, если перевести карту в вопросы о повседневной жизни.

Что показывает карта

Что это означало для человека на дороге

Земля принадлежит королю или князю

Разные сборщики могли требовать налоги и повинности

Через область проходит путь к крепости или городу

Здесь могли появиться гарнизоны, обозы и военные отряды

Владение отделено от других земель

Войска и купцы зависели от переправ, союзников и местных властей

Территория отмечена как спорная

Жители могли столкнуться с переменной господина и новыми требованиями

Королевская власть не была одинаково сильна повсюду. В одном месте жители могли ждать защиты от своего сеньора, в другом — от городского совета или гарнизона. Иногда эти силы сотрудничали; иногда спорили между собой. Поэтому военная угроза состояла не только в том, что армия противника могла захватить город. Она состояла ещё и в том, что ни одна власть не всегда могла гарантировать безопасность дороги между этим городом и соседней деревней.

Войска нередко стремились не только победить в крупном сражении, но и принудить противника к переговорам. Для этого использовали разорительные походы — «шеваше»: всадники проходили по вражеской территории, уничтожая посевы, захватывая скот и добычу. Разорение должно было лишить противника доходов и вынудить его дать сражение или пойти на уступки. Но тактический расчёт оборачивался для жителей потерянными урожаем, бегством и нехваткой пищи. Даже если армия уже ушла, её след оставался в пустых амбарах и полях, которые некому было засеять.

Первый этап войны показал, насколько сильно французская корона могла быть унижена. В 1346 году англичане одержали победу при Креси, а в 1347-м захватили Кале —

важный порт, который удерживали почти два столетия. В 1356 году при Пуатье в плен попал французский король Иоанн II. Договор в Бретиньи 1360 года на время передал Эдуарду III большие владения и обещал отказаться от его притязаний на корону, но противоречия не исчезли. Позднее при Карле V и полководце Бертроне дю Геклене французы отвоевали значительную часть утраченных земель. Исход войны оставался не предпрешённым.

Переломные сражения могли разрушить доверие к монархии сильнее, чем военные планы на карте. Если король попадал в плен, проигрывал битву или не мог защитить подданных, возникал вопрос: способен ли он выполнять главную обязанность правителя? Король считался источником справедливости и защитником королевства. Его власть освящалась церковным помазанием, а коронация в Реймсе придавала ей особый смысл. Но символ не мог сам по себе остановить мародёров или вернуть сожжённый урожай. Чем заметнее становился разрыв между обещанием защиты и действительностью, тем острее ощущался кризис доверия.

Война, налоги и незваная смерть

Для крестьянина война редко выглядела как перечень знаменитых битв. Она могла начинаться с лошадей на дороге и требования отдать зерно. Кроме военных людей, к нему приходили сеньориальные сборщики, требовавшие повинности, церковные служители, собиравшие десятину, и королевские представители, добивавшиеся налогов на войну. Названия и

размер сборов менялись, собирали их не везде одинаково, а местная власть могла вмешиваться в королевские распоряжения. Но итог был прост: военная политика далеко от деревни становилась очень близкой, когда из амбара уносили припасы.

Городской житель тоже зависел от войны, хотя его опасности выглядели иначе. Купец мог лишиться товара из-за закрытого пути или поборов на переправе. Ремесленнику требовались сырьё и покупатели, а городу — подвоз зерна. Осаждённый город сталкивался не только с оружием, но и с болезнями и голодом. Иногда сильные стены давали время; иногда они превращались в ловушку.

Нельзя объяснить все бедствия одной войной. В 1347–1350 годах Европу опустошила Чёрная смерть, а затем чума возвращалась волнами. Она пришла в мир, уже потрясённый неурожаями и конфликтами, и уносила людей независимо от того, кто одержал победу на поле боя. Население многих областей сократилось, хозяйственные связи нарушились, целые общины ослабли. Точные масштабы потерь различались от места к месту, а хроники не позволяют составить безупречную картину. Но совместное давление эпидемии, налогов и военных разорений было огромным: исчезали работники, пустели хозяйства, привычные порядки становились менее надёжными.

Кризис короны

Во второй половине XIV века французская монархия су-

мела восстановить часть утраченного влияния, но её устойчивость зависела от правителя и от равновесия между могущественными князьями. Когда в 1392 году у Карла VI начались приступы психического расстройства, управление всё чаще переходило к соперничавшим группировкам при дворе. Они боролись не только за влияние на короля, но и за контроль над налогами, должностями и решениями от имени короны.

В 1407 году был убит Людовик Орлеанский, брат короля. Его противник, герцог Бургундский Иоанн Бесстрашный, признал причастность к убийству и пытался оправдать его политически. Столкновение сторон переросло во внутреннюю войну. Позже, в 1419 году, во время встречи на мосту в Монтеро был убит сам Иоанн Бесстрашный — сторонниками дофина Карла. К этому времени недоверие между французскими группировками стало не менее опасным, чем давление английской армии.

В 1415 году английский король Генрих V одержал победу при Азенкуре. Затем военные успехи и политические договорённости привели к Труасскому договору 1420 года. Согласно ему, Генрих V должен был стать наследником французского короля Карла VI, а дофин Карл лишился права на корону. Генрих женился на дочери Карла, Екатерине. Договор не означал, что весь народ или вся знать единодушно признали новый порядок: многие его отвергали, а французские области оставались под властью разных сил.

В 1422 году почти одновременно умерли и Генрих V, и Карл VI. Английский престол унаследовал младенец Генрих VI, которого сторонники английского порядка провозгласили также королём Франции. Дофин Карл продолжал считать себя законным наследником французской короны, но ещё не был коронован в Реймсе. Так спор о наследовании, начавшийся задолго до этого, стал вопросом настоящего: кто вправе говорить от имени королевства и кому должны подчиняться города, гарнизоны и князья?

При этом не следует представлять жителей французского королевства как нацию в современном смысле, уже сплочённую единым языком, государственным аппаратом и общей политической программой. Люди чаще всего прежде всего знали свою деревню, город, область, господина и приход. Они могли говорить на разных языках и диалектах, а принадлежность к королевству сочеталась с местными верностями. И всё же война заставляла сталкиваться с общими вопросами: кто назначает налоги, чьи солдаты занимают крепости, кто имеет право судить и кто способен обеспечить порядок.

Попробуйте мысленно пройти по дороге из одного города в другой и применить к ней три вопроса:

1. Кто здесь собирает налоги? Ответ покажет, какие власти претендуют на доходы и насколько устойчив их контроль.

2. Кто судит и исполняет решения? Формальный приказ ещё не означает, что за ним стоят люди, способные его

выполнить.

3. Чьи вооружённые отряды могут пройти по этой дороге? Их появление говорит о том, где власть защищает жителей, а где оставляет их один на один с опасностью.

Это простое упражнение помогает читать средневековую карту не как неподвижный рисунок, а как схему конкурирующих сил. Если ответы на три вопроса различаются, перед нами не единое пространство власти, а территория, где человек может платить одним, служить другому и ждать защиты от третьего.

Ко времени взросления Жанны д'Арк королевство было ослаблено не одной катастрофой, а их сочетанием: давним спором о престоле, потерями в войне, разорением земель, эпидемиями и междоусобной борьбой. Деревня Домреми, где она выросла, находилась в Лотарингии, среди пограничных земель и сложных юрисдикций. Весть о войне и споре королей не была для её мира отвлечённой политикой: судьба власти решала, кто будет держать крепости, кому подчинятся города и появится ли у людей надежда на защиту.

Источники не дают нам заглянуть в каждую деревню и услышать все разговоры её жителей. Хроники часто написаны при дворах и рассказывают о знатных людях; документы о налогах и судах фиксируют лишь отдельные стороны жизни. Поэтому историю следует собирать из разрозненных свидетельств — и помнить, что молчание документа не означает, будто повседневного страха не существовало. Именно на

этом фоне нужно понимать появление Жанны: она возникла не вне истории и не вместо неё. Королевству требовались не только войска, но и убедительный ответ на вопрос, кто имеет право править и может ли Франция снова стать пространством защищённого порядка. В такой момент голос простой девушки мог быть услышан потому, что он говорил о насущной надежде — там, где привычные голоса власти уже не убеждали всех.

Франция накануне Жанны: междоусобица, оккупация и спор о короне

Представим торговца в Париже, который хочет отправить бочку вина родственнику за реку. Прежде чем нанять возчика, ему приходится выяснить, кто держит мост, кому платить пошлину и чей отряд может потребовать «защиту» — а затем забрать лошадь и бочку. Ответ зависит от дороги: за одним поворотом распоряжается королевский чиновник, за другим — люди герцога Бургундского, дальше — солдаты английского короля. Для такого человека Франция — не карта с ровной границей, а сеть опасных переходов между властями.

Это собирательная сцена, но в ней нет преувеличения. В начале XV века французская корона оставалась величайшим политическим символом страны — и одновременно не могла уверенно распоряжаться всей страной. Король был жив, наследник существовал, законы и обычаи сохранялись. Но каждый из этих фактов оспаривался или толковался по-разному. Чтобы понять, почему Жанне д'Арк вскоре предстояло стать не просто военной фигурой, нужно увидеть кризис не как спор двух государств, а как борьбу нескольких сил за право говорить от имени Франции.

Три силы — и ни одной простой линии

Участников удобнее сначала представить без сложных титулов.

Карл, дофин — сын короля Карла VI и наследник, чьи права оказались под ударом. Ему требовались сторонники, войско, средства и признание. Он не располагал всем этим в равной мере.

Англичане — король Генрих V и его армия, стремившиеся закрепить завоевания и подчинить Францию английской династии. Их сила заключалась не только в победах на поле боя, но и в способности использовать французский раскол.

Бургундцы — сторонники могущественного герцога Бургундского. Их интересы не сводились к службе Англии или борьбе против Карла. Они хотели обезопасить и расширить собственные владения, влиять на французскую политику и мстить за убийство своего герцога. Союз с Англией был для них средством, а не вечной клятвой.

Сила

Главный интерес

Что усиливало её положение

Как менялась политика

Карл, дофин, затем король

Сохранить династические права и вернуть власть

Верность части знати и областей, собственный двор и во-

енные силы

Искал союзников среди французских князей и городов

Англичане

Закрепить завоевания и обеспечить английское наследование французской короны

Армия, владение Нормандией и союз с Бургундией

Использовали французскую междоусобицу для военного и дипломатического продвижения

Бургундцы

Укрепить владения и влияние, отомстить за убийство герцога

Контроль над важными городами и собственные политические ресурсы

Сначала участвовали во французской борьбе, затем заключили союз с Англией

Здесь важно не спутать **притязание** с **властью**. У человека может быть право, признанное частью общества, но не хватать средств заставить это право работать. И наоборот: армия способна занять город, но одного военного контроля недостаточно, чтобы все жители сочли захватчика законным королём.

Как распалась общая политика

Кризис начался не в день английского вторжения. Его

подготовила борьба внутри королевской семьи и знати. Карл VI взойшёл на престол в 1380 году. С 1392-го его мучили тяжёлые приступы душевной болезни; периоды недееспособности чередовались с возвращениями к делам. Для королевства это было не только личной трагедией монарха. Когда король не может постоянно управлять, придворные борются за то, кто будет действовать от его имени.

Вокруг короля складывались соперничающие группировки. В одной из них заметную роль играл его брат, герцог Людовик Орлеанский; другую возглавлял герцог Бургундский. Позднее противников бургундцев стали называть арманьяками — по имени Бернара д'Арманьяка, одного из их влиятельных вождей. Это не были современные политические партии с программами и членскими списками. Скорее, сети родственников, вассалов, придворных и вооружённых сторонников, объединённых интересами, страхом и личной верностью.

В 1407 году Людовика Орлеанского убили в Париже. Заказчиком убийства признали Жана Бесстрашного, герцога Бургундского. Он не стал скрывать своей причастности и оправдывал её политическими доводами. Но для противников это было убийство королевского родственника и удар по порядку, который должен был удерживать знать от частной расправы. Месть стала политической программой, а политика — продолжением мести.

В 1413 году Париж пережил восстания и насилие, связан-

ные с движением кабошьенов и борьбой за реформы. В 1418-м бургундцы вновь овладели столицей; во время расправы погибли многие противники их лагеря, в том числе коннетабль Бернар д'Арманьяк. Молодой дофин Карл спасся бегством. Разногласия о том, кто управляет королём и королевством, уже обернулись борьбой за улицы, тюрьмы и городские ворота.

Английский король Генрих V внимательно следил за происходящим. В 1415 году он высадился во Франции, осадил Арфлёр, а затем победил французское войско при Азенкуре. Эта победа часто запоминается как история английского лука и французского поражения. Но важнее другое: Генрих вторгся в страну, где его противники не могли действовать сообща. В следующие годы английская армия завоёвывала Нормандию; к 1419 году в её руках оказался Руан. Победы были достигнуты оружием, но их последствия усиливались французским расколом.

Монтеро: убийство, изменившее союз

В сентябре 1419 года дофин Карл встретился с Жаном Бесстрашным у моста в Монтеро. Переговоры должны были открыть путь к примирению между французскими группировками. Вместо этого герцог Бургундский был убит людьми из окружения дофина. Сам Карл находился при встрече; степень его личной ответственности за убийство историки обсуждают, и её нельзя представлять как бесспорно установленную.

Для бургундцев этого было достаточно. Жаном Бесстрашным можно было считать не только соперника, но и человека, убитого на встрече, где ожидалось перемирие. Его сын Филипп Добрый унаследовал герцогство и вражду. Теперь союз с англичанами казался ему выгоднее соглашения с дофином.

Так внутренний конфликт стал для Генриха V политическим ресурсом. Английскому королю больше не нужно было убеждать всех французов в правоте своей династии. Достаточно было получить поддержку одного из наиболее влиятельных французских князей и договориться с королевским двором, оказавшимся в тяжёлом положении.

Мир, который для одних означал порядок

Весной 1420 года переговорщики собрались в Труа. Вообразим этот разговор не как театральную сцену с выдуманными речами, а как столкновение расчётов. Для сторонников Генриха V мир означал прекращение войны на условиях, которые обеспечивали ему французское наследование. Для бургундцев — возможность укрепить своё положение и наказать убийц Жана Бесстрашного. Для окружения короля Карла VI — попытку остановить распад власти и вернуть стране управляемость. Для дофина Карла — договор, который стремился лишить его того, что он считал своим правом.

21 мая 1420 года был заключён договор в Труа. Карл VI признавал Генриха V наследником французского престола и регентом королевства. Генрих женился на дочери Карла VI,

Екатерине Валуа. Дофин Карл исключался из наследования. По условиям договора английский король должен был после смерти Карла VI получить французскую корону, а две монархии — объединиться под властью одной династии.

Договор нельзя описывать ни как простую бумажку без значения, ни как безупречное решение, которое автоматически покончило со спором. Он был заключён при живом короле и опирался на его власть. Его поддерживали англичане и бургундцы; он давал сторонам конкретный порядок наследования. Но законность такого переустройства оставалась спорной. Французская корона не считалась обычной собственностью, которую король мог свободно завещать кому угодно. Наследование связывали с династическим порядком и обычаями королевства. Поэтому сам факт договора не заставил всех признать, что дофин утратил права.

Иными словами, в Труа спорили сразу о двух вещах. Первая — что можно записать и подписать от имени короля. Вторая — кого после этого признают законным правителем люди, города, знать и войска. Бумага могла изменить политические союзы, но не могла одним движением стереть привязанности и убеждения миллионов жителей.

Есть и ещё одна важная оговорка. Позднейшие рассказы о договоре иногда связывали исключение дофина с утверждением, будто он не был сыном Карла VI. Надёжного основания превращать это в установленный факт нет. Для понимания кризиса достаточно самого текста договора: Карла от-

страняли от наследования, ссылаясь на его предполагаемые проступки и на решение короля. Не следует добавлять к этому спору сенсационное обвинение, которое не проясняет, а запутывает картину.

В 1422 году разразилась новая династическая развилка. Генрих V умер 31 августа, не дожив до смерти Карла VI, который умер 21 октября того же года. Согласно договору, права на французскую корону переходили к малолетнему сыну Генриха и Екатерины — будущему Генриху VI. Английская власть действовала от его имени, а важнейшую роль во французских владениях играл герцог Бедфорд. Дофин Карл, в свою очередь, принял титул короля Карла VII. Но его ещё не короновали в Реймсе — месте традиционной французской коронации.

Получились два короля в политическом смысле: один — ребёнок, наследник по договору и опирающаяся на него английская власть; другой — взрослый претендент, которого признавали многие французы и который обладал собственным двором и территориями. Право Карла VII не было пустой выдумкой, но и не превращалось автоматически в действующую власть. Ему нужно было удержать союзников, добывать средства, управлять войсками и доказывать, что его корона — не только семейное наследство.

Франция не была единой оккупированной территорией

Слово «оккупация» точно передаёт опыт многих людей,

но опасно, если им накрыть всю Францию одним одеялом. Англичане завоевали Нормандию и контролировали ряд северных городов. Париж находился в руках бургундцев, тесно связанных с английским союзом. В других местах власть могла переходить из рук в руки, а местные соглашения и личные связи значили не меньше, чем общая карта кампании.

Бургундские владения тоже не были просто английской провинцией. Герцог располагал значительной самостоятельной властью и обширными землями, часть которых находилась в пределах Французского королевства, а часть была связана с другими владениями и политическими порядками. Сотрудничество с Генрихом V не стирало собственных целей Филиппа Доброго. Он мог поддерживать англичан там, где это служило его интересам, и сохранять свободу действий в других вопросах.

На юге и в центральных областях Карл VII опирался на территории и города, сохранявшие ему верность, включая земли вокруг Берри и Лангедока. Но «верность» не всегда означала прочный контроль. Город мог признать короля и при этом опасаться за стены, торговлю и запасы. Знатный человек мог поддерживать Карла, но выжидать, пока станет ясно, кто победит. Торговый путь, замок или переправа могли оказаться важнее формального заявления.

Война проникала в жизнь через поборы, осады и вооружённые отряды. Армии требовалось платить; когда денег не хватало, солдаты кормились за счёт окрестностей. Разру-

шенные поля лишали крестьян урожаем, а купцов — безопасных дорог. Исследователи восстанавливают этот опыт по разным свидетельствам: королевским грамотам и договорам, хроникам, городским записям. Хронист мог быть пристрастен, особенно если принадлежал к одному из лагерей; юридический документ, напротив, точно показывает, что стороны хотели закрепить на бумаге, но сам по себе не доказывает, что население приняло его условия. Поэтому историк сопоставляет источники, а не доверяет одной эффектной истории.

Для обычного жителя вопрос о короле редко звучал отвлечённо. Он мог означать, кто назначит сборщика налога, чьё войско войдёт в город, кому подчиняется суд и где можно безопасно продать зерно. Большая политика становилась личной в тот момент, когда требовала от человека отдать лошадь, открыть ворота или выбрать, кому присягать.

Признание — это не одна печать

Как же претендент становится королём в глазах страны? Одного происхождения недостаточно, если часть подданных считает его права нарушенными. Одного договора недостаточно, если его не признают соперники. Военная победа укрепляет власть, но может породить сопротивление. Нужны несколько опор: понятное основание для притязаний, верность влиятельных людей, управляемая территория, работающая администрация, военная защита и символы, которые делают власть зримой.

Коронация в Реймсе была одним из таких символов. Она не создавала короля из ничего: Карл VII называл себя королём до неё. Но коронация придавала его притязанию торжественный, общепонятный смысл — будто спорный титул наконец воплотился в обряд, место и действие. Пока Реймс оставался вне его власти, его противникам было легче представлять Карла правителем без главного знака традиционной легитимности.

Чтобы увидеть механику этого кризиса, попробуйте короткое упражнение. Возьмите любую из трёх сил — Карла, англичан или бургундцев — и ответьте на четыре вопроса: на каком основании она предъявляла права; какие территории и города могла удерживать; кто признавал её власть; какие события могли заставить союзников изменить сторону? Затем повторите то же для двух остальных сил. Такая карта покажет, почему спор нельзя свести к простому делению на «французов» и «англичан»: французские группировки могли воевать друг с другом, а внешняя сила — использовать эту борьбу.

Второе упражнение — разделить утверждения на две категории: «юридическое притязание» и «политическое признание». «Договор в Труа назначает Генриха V наследником» — первое. «Париж и часть знати поддерживают порядок, связанный с этим договором» — второе. «Карл — сын и наследник французского короля» — основание для притязания. «Его принимают как короля в определённых областях

и при дворе» — факт признания. Когда эти категории смешиваются, история кажется нелогичной. Когда их разделяют, становится видно, что обе стороны могли одновременно обладать убедительными доводами — и ни одна не контролировала всю страну.

К началу истории Жанны д'Арк Франция была не пустым полем, ожидающим спасителя, а государством, где сохранялись институты, города, армии и политическая воля — только они были разделены между соперниками. Междоусобица облегчила английское продвижение; союз англичан с бургундцами придал военным успехам политическую опору; договор в Труа превратил спор о силе в спор о наследовании. А смерть двух королей в 1422 году не разрешила его: она сделала вопрос ещё острее.

Решалось не только то, кто удержит Париж или перейдёт через Луару. Решалось, кто вправе говорить от имени Французского королевства — и что должно произойти, чтобы люди поверили этому голосу.

Домреми: детство девушки на границе войны

Когда приходит утро в деревне, день не начинается с новостей о королях. Он начинается со света, который просачивается в дом, с работы, не терпящей отлагательства, и с колокола, по которому люди узнают, что пришло время молитвы или службы. В Домреми начала XV века именно так, вероятно, и начинался обычный день. Не тот самый день Жанны — такого мы не знаем, — а собирательный, составленный из сельских ритмов и поздних свидетельств о её жизни.

Представим его осторожно. За околлицей лежат поля и пастбища, неподалёку шумит Маас. В доме ждут дела: приглядеть за хозяйством, помочь родным, заняться домашней работой. Если день праздничный, распорядок меняется; если сезон горячий, работа тянется от рассвета. Никакая хроника не оставила нам расписания Жанны по часам. Но в общих очертаниях её детский мир можно восстановить: семья, приходская церковь, соседские связи, ручной труд и тревожные слухи о вооружённых людях на дорогах.

Так начинается не легенда о предназначении, а биография девочки, выросшей в конкретной общине.

День без точной даты

Домреми было небольшим поселением в долине Мааса, в

нынешнем департаменте Вогезы. Вместе с соседним Грё оно образовывало приход, с которым Жанна связывала своё детство. Она родилась около 1412 года; точный день рождения неизвестен. В 1431 году, на суде в Руане, ей было примерно девятнадцать.

Попробуем пройти с ней один условный день — не как по сцене, подробно восстановленной документами, а как по местности, где привычные обязанности задавали темп жизни. Утро в крестьянском доме зависело от погоды и сезона. Домашний труд не делился на «важный» и «второстепенный»: пищу нужно было приготовить, хозяйство — поддержать, вещи — починить, животным — уделить внимание. Точные обязанности Жанны в разные годы нам неизвестны. Поздние свидетельства связывали её с домашней работой и заботой о животных, но превращать это в уверенный рассказ о том, что она всю жизнь провела пастушкой, нельзя. Образ «девушки-пастушки» стал частью её позднейшей легенды; он не заменяет свидетельств.

В полдень сельский день мог ненадолго подчиниться церковному колоколу, хотя один звон не отменял всех дел. Церковь была не только местом богослужения. Она помогала общине отмечать время, праздники и перемены жизненного цикла. Люди встречались там и возле неё, узнавали новости, видели друг друга. Для человека, не читавшего письма и не получавшего печатных листков, мир всё равно не был молчаливым: новости приходили через соседей, путников, тор-

говцев, священников, служилых людей.

К вечеру работа не исчезала, но меняла форму. Дом, двор и улица снова собирали семью и соседей. Мы не знаем, какие именно разговоры вела семья Жанны; приписывать ей придуманные слова — значит подменять историю романом. Можно лишь помнить, что политическая тревога входила в сельскую жизнь не в виде отвлечённого рассуждения о короне. Она могла означать опасную дорогу, исчезновение привычного товара, сбор денег или необходимость искать укрытие.

Такой день не был «фоном» для будущей героини. Это и была жизнь, в которой она училась замечать нужды дома, понимать людей, запоминать устные рассказы и соотносить общее с личным.

Семья, а не легендарный фон

Родителями Жанны были Жак д'Арк и Изабелла, которую источники называют также Изабо Роме. Семья не принадлежала к знати, но и представление о ней как о совершенно нищей и бесправной крестьянской семье плохо согласуется со свидетельствами. У неё было хозяйство и имущество; отца знали в местной общине, ему доверяли некоторые обязанности. Точный масштаб достатка определить трудно, но это была семья с устойчивым местом в сельской жизни, а не случайные подёнщики без дома и связей.

У Жанны были братья и сестра. Семейная история дошла до нас не как подробная хроника повседневности, а отдель-

ными фрагментами, в том числе из показаний самой Жанны и людей, знавших её в детстве. Поэтому нельзя без оговорок описывать, как именно родители распределяли работу между детьми или кто в доме отвечал за каждое дело. Зато понятно главное: Жанна росла не в одиночестве, а среди близких, с которыми делила хозяйственные обязанности и обычную жизнь.

На суде в Руане Жанна сказала, что мать научила её молитвам «Отче наш», «Радуйся, Мария» и Символу веры. Это небольшое свидетельство открывает важную дверь. Оно говорит не о том, что девочка получила формальное образование, а о том, как знания передавались в устной культуре: через повторение, память, совместную молитву и повседневное участие в религиозной жизни.

Жанна, судя по её словам, не умела читать. Это не делает её «невежественной» в широком смысле. Грамотность и способность понимать окружающий мир — разные вещи. Человек мог не читать рукописи, но хорошо ориентироваться в местных обычаях, практических навыках, семейных обязательствах и словах, услышанных в церкви или от соседей. Умение вести хозяйство, замечать изменения погоды, заботиться о животных, хранить и передавать информацию — тоже формы знания, хотя их редко фиксировали на пергаменте.

И всё же нам следует быть сдержанными: документы не дают права приписать Жанне любые полезные навыки толь-

ко потому, что они были нужны крестьянской девушке. Исторический портрет точнее, когда в нём остаются пробелы.

Приходская вера и память свидетелей

О детстве Жанны мы узнаём прежде всего из судебных процессов, но судебное свидетельство — не окно без стекла. В 1431 году её допрашивали в Руане, когда она находилась под обвинением и давлением церковного суда. Вопросы касались её веры, голосов, одежды и действий; это не было нейтральным опросом о детских привычках.

Спустя примерно четверть века, в 1455–1456 годах, проходил процесс, призванный пересмотреть и отменить приговор. В нём выступали её мать, родственники, соседи и люди, знавшие Жанну в юности. Их воспоминания важны, но и они были ретроспективными: свидетели вспоминали прошлое через годы и в рамках разбирательства, которое должно было восстановить доброе имя Жанны. Такие показания не становятся бесполезными оттого, что у них есть контекст. Но контекст нужно учитывать.

Современная психология памяти напоминает: воспоминание — не точная запись, которую можно снова включить, а восстановление прошлого из сохранившихся деталей и последующих представлений о нём. Через двадцать пять лет человек может верно помнить повторяющуюся черту — например, что девочка часто ходила в церковь, — и при этом ошибаться в конкретном дне или последовательности событий. Поэтому мы внимательнее доверяем свидетельствам о

привычках, подтверждённым несколькими людьми, и осторожнее относимся к слишком гладким историям, где каждая деталь будто заранее предвещает будущее.

Свидетели процесса пересмотра приговора вспоминали Жанну как набожную, благочестивую, расположенную к церковной службе. Такие оценки могли быть искренними; одновременно в суде они имели значение для её посмертной репутации. Полезно удерживать обе мысли: люди могли правдиво рассказывать о знакомой им девушке и вместе с тем отбирать те черты, которые помогали доказать её добродетель.

Вера в Домреми не была отдельной комнатой в сознании, куда человек входил только по воскресеньям. Она задавала язык, на котором говорили о долге, грехе, надежде и страхе; сопровождала праздники и семейные события; звучала в молитвах, выученных от матери. Это не означает, что все жители верили одинаково или одинаково часто бывали в церкви. Но для Жанны приходская религиозная культура была частью повседневной среды, а не поздней декорацией, придуманной для её биографии.

Граница, которая не была чертой на карте

Если посмотреть на карту Франции XV века, Домреми окажется не в центре событий, а на их подвижной окраине. Деревня лежала в долине Мааса, близко к разным владениям и зонам влияния. Домреми и Грё относились к бальяжу Шомон; область связывали с Барруа mouvant — частью Барруа, находившейся в вассальной связи с французской коро-

ной. По соседству располагалось герцогство Лотарингское, а местные права и политические привязанности складывались сложнее, чем современная граница между двумя государствами.

Место

Что оно значило для окружения Жанны

Домреми и Грё

Дом, приход и ближайшая община Жанны; местность с собственными связями и обязанностями

Вокулёр

Важный опорный пункт сторонников дофина; там служил капитан Робер де Бодрикур

Нёфшато

Город, связанный в поздних свидетельствах с поиском убежища во время опасности

Максе-сюр-Мёз

Соседнее поселение, которое в местной памяти связывали с бургундской стороной

Эта карта показывает не линию фронта, проходившую через каждый двор, а мир, в котором близкие поселения могли

тяготеть к разным политическим лагерям. Война Столетняя была не только столкновением английских и французских войск. Французское королевство раздирали внутренние распри; партии и союзы менялись, а местные владельцы принимали решения, от которых зависела безопасность дорог и деревень. На языке большой политики это были притязания, договоры и верность. На языке сельской жизни — вопрос о том, кто способен защитить людей, когда по округе движется вооружённый отряд.

Свидетельства связывают детство Жанны с эпизодами опасности и уходом семьи в Нёфшато. Но важно не превращать Домреми в деревню, непрерывно сожжённую войной. Источники не подтверждают картину постоянного разорения. Военные угрозы могли быть реальными и пугающими, даже если в конкретный год в деревне не происходило крупного сражения. Отряды, слухи об их приближении, споры между соседями и необходимость покинуть дом на время — уже достаточно, чтобы война стала частью человеческого опыта.

Для ребёнка такие события не обязаны складываться в стройную политическую картину. Она могла знать, кому принадлежит соседняя местность, слышать о нападениях и понимать, что дорога бывает опасной, не размышляя при этом о международном праве. Позднее Жанна будет говорить о короле, войне и необходимости действовать. Но не нужно задним числом делать из каждой сельской тревоги

подготовку к её будущей миссии. Детство не обязано быть прологом, написанным взрослым историком.

Практика осторожного чтения

Попробуйте небольшое упражнение, полезное не только для истории Жанны. Возьмите любой факт её детства и разделите заметку на три части:

1. Что прямо сказано в источнике? Например: Жанна сообщила, что мать научила её молитвам.

2. Какой вывод можно осторожно сделать? Религиозные знания передавались ей в семье устно.

3. Чего источник не сообщает? Сколько раз в день она молилась, кто ещё присутствовал и как выглядела конкретная сцена.

Затем примените этот же способ к карте: отметьте Домреми, Вокулёр и Нёфшато, а рядом подпишите, что известно о связи каждого места с жизнью Жанны. Не пытайтесь сразу нарисовать «линию фронта». Сначала спросите, чьи это были земли, какие союзы существовали и насколько близко событие, подтверждённое источником, происходило именно в деревне. Так отделяются географическая близость и доказанная причинная связь.

Этот маленький приём защищает от двух крайностей: от сухого представления, будто деревенское детство ничего не значило, и от соблазна увидеть знак судьбы в каждом дереве, молитве или слухе.

Домреми дало Жанне не готовую программу действий, а

человеческую среду: семью, общину, веру, труд и опыт жизни среди меняющихся политических границ. Она росла в мире, где забота о повседневном соседствовала с тревогой за безопасность, но где обычная жизнь продолжалась и между опасностями. История Жанны начинается именно здесь — не с предсказания и не с легенды, а с девочки, чьи привычки и представления складывались в конкретном месте.

Позже, допрошенная в Руане, Жанна отнесёт начало своего внутреннего опыта к возрасту около тринадцати лет. Это уже не просто история о домашней работе, приходе и сельских дорогах. Но чтобы понять, что именно она услышала и как решилась действовать, важно сначала увидеть тот мир, из которого вышел её голос.

Голоса и призвание: вера, сомнение и решение действовать

Вопрос, заданный Жанне в суде, звучал просто: когда впервые заговорил голос? Но за ним скрывалось всё, что нельзя измерить судебной мерой: где кончается переживание и начинается его толкование, как отличить призыв от ошибки и что делать, если от твоего ответа зависит не только собственная жизнь.

В 1431 году, на допросе в Руане, Жанна рассказывала, что впервые услышала голос примерно в тринадцать лет. По её словам, это случилось летом, около полудня, в саду отца; голос сопровождался светом и доносился словно со стороны церкви. Сначала она испугалась. Позже, как записали допрашивавшие, она связала услышанное с Михаилом Архангелом, а затем — со святыми Екатериной и Маргаритой.

Мы знаем об этих событиях главным образом из протоколов допроса, составленных уже после того, как Жанна стала участницей войны и политической фигурой. Это не дневник, который она вела наедине, и не запись голоса на расстоянии. Протоколы создавались в судебной обстановке, где её вопросы задавали люди, заинтересованные в исходе дела; ответы фиксировали писцы, а сама процедура подчинялась правилам и целям церковного суда. В них сохранились важ-

ные подробности, но между переживанием девочки в деревне и страницей документа лежит путь через память, вопросы, запись и отбор.

Поэтому стоит удерживать сразу две мысли. Жанна действительно говорила о голосах и видениях, причём говорила об этом настойчиво и последовательно. Но её слова дошли до нас не как непосредственное и исчерпывающее объяснение случившегося. Историк может исследовать, что она утверждала и как действовала, но не может вынести вердикт о природе её переживания. Не следует ни объявлять его бесспорным чудом, ни задним числом превращать в медицинский диагноз.

Переживание и его имя

Для Жанны услышанное не было безымянным шумом. В её рассказах голос постепенно обрёл место в знакомом ей христианском мире. Сначала — наставление быть доброй и ходить в церковь; позднее — призыв отправиться во Францию и помочь дофину. Голос, по её словам, был связан с Михаилом Архангелом, затем она стала узнавать голоса Екатерины и Маргариты. Иногда речь шла именно о голосе, иногда — о видении, свете и святых, которых она будто бы видела. В её описании звук и явление не отделялись так чётко, как мы привыкли разделять их сегодня.

Это не мелкая разница в словах. Она показывает, как человек переводит пережитое на язык своей эпохи. В позднесредневековой Франции религиозная жизнь не была деко-

рацией, которую можно снять, чтобы добраться до «настоящих» мотивов. Приходская церковь, молитва, святые, праздники и рассказы о чудесах составляли повседневную картину мира. Михаил воспринимался как небесный защитник и воитель; Екатерина и Маргарита — как святые девы и мученицы, чьи истории давали верующим образы стойкости и верности.

Но именно поэтому заявление о голосе не становилось автоматически доказательством. Христианская культура знала рассказы о видениях и пророчествах, но умела и подозревать в них ошибку, обман или искушение. Притязание на особое поручение нуждалось в проверке. И если о божественном призыве заявлял человек без положения и церковной власти, тем более молодая женщина из сельской семьи, к нему могли отнестись с недоверием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.